

Михаил Сопин

**МЫСЛИ
АФОРИЗМЫ**

Вологда
2005

КРАСНЫЙ БЛОКНОТ

Регулярно записных книжек М.Н. не вел. Заготовки к стихам и мысли он записывал где попало: на полях и оборотной стороне машинописных листов, на конвертах, обрывках бумаг, газете... Ему хорошо думалось на ходу, но он плохо видел, а очки на улице не носил. Во время прогулок мы брали с собой записную книжку, которую несла я, и время от времени останавливаясь, Миша говорил: «Запиши!» Причем, записывать надо было сразу, а то шли вариации, и случалось, первый вариант (может, самый лучший?) мы уже не могли вспомнить.

Когда мы стали выходить в Интернет, появилась «слушающая сторона», которой захотелось откликаться. «С вами хорошо, - сказал как-то Миша о респондентах сайта «Стихи.Ру», - мысли не залеживаются».

Мы нашли красный глянцевый блокнот с советской символикой (он не терялся из-за кричащей окраски), и я стала заносить туда афоризмы, шутки, мысли, которыми, бывало, так и сыпал Михаил под хорошее настроение. Там же находили уют заготовки для стихов и рецензий. На улицу он тогда уже выходил редко (квартира на четвертом этаже без лифта), но, бывало, вышагивал по комнате, рифмуя, и время от времени кричал мне в кухню: «Татьяша, запиши!» Даже не обтерев от муки руки, я должна была поскорее отреагировать, чтобы потом вместе с автором привести заготовку в достойный вид. Иногда записывала и без приглашения, особенно юморное, веселое.

Когда Миши не стало, я переписала Красный блокнот по разделам.

Позднее добавила яркие фразы из стихов, из лагерных дневников, из последних записей в больнице... Так подборка стала обретать глубокий, порой трагичный характер.

Татьяна Сопина.

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

Когда-то в тяжкие минуты жизни я поймал себя на мысли: но ведь бывало хуже! А я выжил... Значит, надо жить дальше. И есть где-то живые, слышащие меня, с которыми можно поделить ношу. Здоровые кочки на гибельном болоте - они все-таки есть!

Век гильотинный, липкий,
Век железный.
И я прошу у роковой межи:
Останови нас, Господи, пред бездной,
От жатвы от кровавой удержи.

Мне завтрашнего дня
Без прошлого -
На надо!
Я счастлив,
Что печаль
Мне вечная дана.

Скуден дух? История права, отторгая мертвые слова.

Случайной жалости словцо... И Памяти разбитое лицо.

Рог забытий.

Мне по силам -
До смерти нести расчехленное знамя.
Как с пылающей памятью жить мне?
Земля, помоги.

Есть прошлое у молодых! Разве стремиться быть на кого-то похожим, подражать – не свойственно молодости?
Прекрасно, когда за поворотом новый мир, пронзительная вечность. Однако распахнутую душу еще как калечат стихи...

В каждом должна гореть собственная лампочка. А задача взрослых – помочь эту лампочку включить. Иначе кое-кто, как бы желая добра, может сделать из тебя персонажа из собора «Парижской в Бога матери», глянешь в зеркало и устрашишься! :)

Человек, который видит и чувствует много, не может убедить читателя, что он ни жив, ни мертв. «Мне не нужно давно ничего». Согласиться невозможно. Значит, мне не нужно, что

было давно. Это изумительно - не нужно того, что я давным-давно знаю. Нужно не познанное. Это свидетельство тому, что автор живет и движется... (Из рецензии автору).

Не проклинаю этот свет
За неразборчивость деяний.
Мир будет до скончания лет
Творить себя без покаяний.

В нашем словаре есть слово НАДЕЖДА... Случайная передышка на безумном броске в неведомо куда. Знать бы, куда бежать? Может, резоннее остановиться?.. (Прежде чем смыться!) Разобраться? «Чи нас насилуют, чи кажутся?» Спихватимся через сто лет...

Времена не выбирают?
Бог с тобою, простота.
Миллионы выгорают
Без звезды и без креста.
Потому и выгораем.
Что гибель выбираем.

Мы вошли в зону самоуничтожения. Дерево, у которого обламываются ветви... Если слишком много героев и заков - государство близится к финишу.

На полстолетия уже сиротство века постарело.

У каждого века свой символ для Тайной вечери:
Свой Пилат, свой Иуда –
Роди только, время, Христа.

В наше время большое зло водит за ручку такое маленькое добро, что и разглядеть его очень и очень проблематично. Эта формула касается нашего героизма. Если героизм пропагандировать в отрыве от истинной трагедии, оно будет выглядеть инвалидом на содержании у своих вчерашних врагов.

Это мы как девять тридцать и половина десятого: время на циферблате одно и то же, но люди ориентируются на разное: одни тяготеют ближе к девяти, а другие - к десяти.

Какой команды ждать еще нам? Народ бессмысленно сердит. Душа кутенком истощенным в бездонность Памяти глядит.

Отмыться можно. Разровнять кладбища. Вслух повиниться!
Прежним стать - нельзя.

На столетье вперед мы устали...

...Но в сердце смертном
Три колодца
Материковой глубины:
Былое - без конца и края,
Грядущее - без берегов,
И нынешнее - где сгораю
От брани братьев и врагов.

Былое соткано из боли. И дом стоит на минном поле. И не
только у меня...

Времена не выбирают – в них живут и умирают.

За весь царственный период мы так и не научились четко и
точно называть говно говном, а мед – медом... При Советах
в кровопролитнейших боях за светлое будущее перебили
молодых представителей российской мыслящей романтики.
«Вылечили» в психушках и лагерях желавших жить
осмысленно.

В истории такого «напороли», экспромтами заканчивая роли.

...Сорок лет, сорок вьюг не смели,
Что вошло в мою грудь, как осколки
Вместе с комьями рваной земли.

Оставить по себе хорошую память так же трудно, как не
оставить никакой.

Под накипью ложных побед лежат пльвуны наших бед...

Замучено прошлое - мертвые даты и числа.

Постигали мы свое бытие под битие...

Хотя бы раз покайтесь перед нами, убийцы наши. Мы
поймем. Мы вам все простим.

С тех пор, как был распят Христос, мечом шла милость на
немилость. Так много крови пролилось, чтоб ничего не
изменилось.

«Будущее зависит от тебя». У ⁷ человека, жизненный срок которого составляет мгновение, будущего нет. От рождения до смерти - только настоящее.

О ЖИЗНИ И РАЗУМЕ

Раскрепощенный разум, учишь высокопрофессионально фиксировать безумие! Разумом награждает человека природа, болезнями разума в переизбытке обеспечивает власть идиотизма, темноколпачная рать, которую нынче: «Разрешено наблюдать. Запрещено остальное».

У русского человека где юность, там и лысина. А если к лысине еще и ум, то полный каток.

В дичайшую дремучесть лет шагнула мысль... И не вернулась.

Вот этого нам и не хватает - осмыслить, кто мы? Кого мы дублируем столетиями, оставаясь на том же самом месте?

Младенческие слезы отольются глазами взрослой перезрелой лжи...

Нищему дается одна жизнь, духовному царю - бесконечность.

Вы слышите – были мы, были кочующей горсточкой мыслящей пыли...

Всем, с кем вместе плакал и радовался, кочуя по Земле.

Состарило, что было молодо... Все этой жизнью перемолото.

Дерзающие переделать дочиста мир - неизлечимый бред людей. Мой путь к себе - в раздумье.

Раскрываются глаза разума. Задача - заявить, озвучить глаза разума. И с раскрытыми глазами просто нет дороги назад. Разум должен осмысливать мгновения жизни, которые мы не ценим, не ощущаем.

Продление личной жизни в продуманном и максимально точном учете жизненных мгновений.

Почти бессмертна и почти жива у придорожья времени трава.

У волнолома бурей уносит во тьму немо кричащий в пространство вопрос: «Почему?!»
 Что это - подъемное падение? Реквием земного оскудения?

Где звонят? Большая перемена? Праздник крови... Некого винить. Можно на земле одновременно праздновать, рожать и хоронить.

С новыми словами и со старыми силами...

Едва успел пропеть ночной петух, а голос разума уже потух.

И вот сижу я наедине со своими раздумьями. Прихожу к очень-очень неутешительной мысли: когда человек не понимает, что происходит в нем самом, в великом (!) государстве, не знает, что ему делать... тогда он стремится создать нечто «с человеческим лицом». Десятилетиями пытается увидеть, заглянуть в это человеческое лицо, но то ли не туда глядит, то ли все больше вместо лица выпирает «мурлецо».

Слишком коротка жизнь и долог бред, которым мы жили и продолжаем жить.

В перекошенном мире... самое трудное - повернуться к себе лицом и пойти себе навстречу, понять в себе то, что никогда по собственному желанию, да и по желанию величеств, не меняется. Заставить сознание работать на себя, на детей, на жену, на kota... на близких по мировоззрению людей (из ответа автору, посетовавшему, что самое близкое ему существо – кот).

Когда пикировать ниже уже некуда, то рано или поздно окажешься на высоте.

В этом двояко-вогнутом, трояко-выгнутом мире душевного благополучия было бы ждать смешно. Жизнь - как игра в поддавки: чем больше отдаешь, тем больше получаешь.

Тягостен не столько сам крест, сколько наши представления о нем. С другой стороны, крестная ноша становится двигателем жизни. Большею частью мы живем догадками о самих себе - о своих радостях и страданиях. Надо знать, что страдания - это не востребованная радость. Они будут мучить тебя, пока не поймешь: что же жмет, давит, почему так тяжело... За этим последует осознание, что крест - это жизнетворящая энергия. Она заставляет искать, работать.

Сейчас стал мысленно перебирать – чем мы большую часть своей жизни занимаемся? Ухайдакиваем ее не то, чтоб укоротить эту самую жизнь. Не сделать лучше. А укоротить...

«Жизнь - неизлечимая болезнь, передающаяся половым путем» (польский фильм). И все же как приятно болеть! Использовать до предела свои несхожести с арифметическим множеством, пока вам не будет предложено не выбираться из нее, а убираться...

ПОНИМАНИЕ

Понимание друг друга - борьба за пространство величиной с человеческий волос. В самом себе...

Диалог случайных близких.

Печаль на двоих - апрельский сумрак. Улыбка на двоих - жизни свет.

В этом двояко-трояко-выгнутом мире душевного благополучия было бы ждаться смешно. А на счет грабежа... Так это как игра в поддавки. Чем больше отдаешь, тем больше выигрываешь (из ответа автору).

Есть движение от себя и к себе. Движение как попытка уйти от заостренности - от себя. К себе - осмыслить свою деятельность и радоваться этому.

Ребятки, друзья, коллеги, спасибо за тепло и чуткость, за доброту, за общее наше дело.

Видеть в зеркале времени выражение того, что несешь в себе. Человек приходит в мир подарить свое имя близким.

Я знаю - нет тебя в помине! Но отзываюсь... И зову.

Оставайтесь с нами. Оставайтесь в снах.

Дари себя людям! Худо, конечно, если нечего дарить, но тяжелее - если некому.

Радуйся, человек. Все, к чему прикасаешься, сохранит след твоего прикосновения.

Хочешь быть понятым - стремись быть понятым, ибо от косноязычия уже дышать в этом мире нечем.

Так жаль, так жаль, что мы не замечали собачьих слез, влача свои печали.

Чем ты будешь внутренне богат – тем и будешь населять среду близкого тебе окружения: предсказуемостью, понятостью и всеми другими качествами, о которых не надо догадываться, а надо их знать. Так я думаю. Это поможет поиску в направлении – чего надо не делать дальше, а чего никогда больше не делать! Больше останется места для жизни, а меньше для бреда.

Так трудно назвать плохое – плохим, хорошее – хорошим... Но вот сказал, и перестаешь бояться устремленных на тебя глаз. Передаешь эстафету, как бегун на дистанции.

Человека ничем не надо начинать для того, чтобы он легче мог докопаться до общей картины ЛИЧНОЙ ЦЕННОСТИ и ряда наиболее ходовых (в зависимости от смены среды), чаще используемых привлекательных качеств – умения не стихийно, а продуманно потянуть тогда, когда надо, и за тот именно «хвостик» многоконцового клубка, который в контакте с другим даст мощное самоудовлетворение хозяину – себе, и поспособствует в беседе, в умении выслушать со-партнера, продемонстрировать его качество в схеме: либо плюс, либо минус; в общем, помочь самоидентификации.

Жизнь задала тебе вопрос – ты дал ответ, который вызовет у тебя твою же улыбку благодарности за точность, информационную емкость.

Невостребованность радости может превратиться в горечь... Пробуждаемся, чтобы избыть ее, освободить место для следующих размышлений. Нужно запустить процесс, не заикливаясь на чем-то, оставить ее хотя бы в состоянии недоумения. Она будет прислушиваться к тебе, и не исключается возможность сотерпимости, дружбы.

Мир гораздо звероподобнее, отвратительнее и прекраснее, если его не сочинять, а попытаться понять.

Каждому – здоровья. Всем вместе – никогда ничего плохого.

Своим,
Живым,

Земным поющим братьям
Я улыбнусь
Незрячей болью слез.

О ЛЮБВИ

Грустно, что для любви отпущено так мало времени. Больше для ее уничтожения... Пока.

Мы расстаемся,
Двигаясь по кругу -
Внушал себе, трусливому вралю!
Так долго надо жить,
Чтобы друг другу
Сказать три слова:
«Я
Тебя
Люблю».

Не знаю, кто ты, друг. Пока видна дорога, усталых рук,
прошу, не опускай до срока.

Всем женщинам, с кем так или иначе пересекались пути на
сайте, желаю сто лет без одиночества и печали.

Попробуй, сердце приложи к любви, которую украли.

Слезами горю не помочь, когда в глазах родимых ночь.

Когда я был молод... Я хотел отлюбитья со всеми
женщинами, которые мгновенным лучиком своей доброты,
симпатичности, красоты касались сердца моего и любя,
радуюсь и страдая, разорвать, расщипать свое сокровенное,
раздать каждой по кусочку, продлиться в них и умереть с
ними.

Но Богу, видимо, было угодно обратное.

Почему я так хотел?

Здесь срабатывал, конечно же, не грязный инстинкт бабника
- постельного диверсанта. Я пронзительно чувствовал, что
никакие другие ценности не смогут стать у живых по
отношению к живым царственной памятью души. Без этой,
без святой памяти, жизнь - полова.

И с друзьями точно так же - на отстрел: заходи, садись, бери
кусочек хлеба, пей стакан. Предал - прочь, мразь! Но - только с
болью, с криком души, с леплом. Самое страшное в нас то,
что мы подтасовываем желаемое под действительное,
серость под мудрость, истинную любовь перепутали с

распутством, задушили намертво декретами и собственной ублюдочностью. Большинство наших семей держится на соплях.

Когда расстаешься с любимым человеком, расставание будет долгим. Может, даже больше жизни...

Мое сердце не знает
 Угасшего слова: разлука.
 Моим чувствам неведомы знаки -
 Чужие края.
 Это я троекратно
 Посылаю в пространство
 Два звука:
 Дорогая моя!
 Дорогая моя.
 Дорогая...
 Моя...

Ребята! Только что вернулся из больницы и не знал, что у меня так много друзей. Захотелось заплакать от радости...

Любовь к ближнему, пребывая в долгом состоянии «до востребования», тоже взрывает.

Неразделенная любовь во мне,
 Так и прошла ты где-то между нами.
 Сгорела, словно письма на огне,
 И годы пепел выкурили в память...

Когда встречаются двое, любят друг друга и думают, что создают семью, это еще не так. Они только сажают деревце, которое надо растить и поливать, иначе оно засохнет. Это надо делать обязательно вдвоем... А если каждый раз выдергивать и пытаться воткнуть новое, то ничего не получится.

Любовь и печаль,
 Я тебя не оставил!
 Вся в памяти смертной –
 Какой ты была.

Недолюбленность дышит нам в затылок. Надо понимать, что людей с таким грузом много, но они лишены умения выразить себя словом...

Размышление о недолюбленном поколении надо приучать, приучать, как случайно прибившуюся собачку, которой вот

так бросишь кусочек в виде стихотворения, а она его примет, посмотрит тебе в глаза с таким доверием... И ты поймешь, что расставаться уже не получится.

Но воскрешает вновь судьбы причуда
Твою мечту.
И пляшет дождь гурьбой,
И я опять, как вышедший и чуда,
Как зов души,
Стою перед тобой.

Ты... «подожгла в степи бурьян, не рассчитав на встречный ветер».

И если вновь сквозь версты бездорожий
Разверстнется ненастий окаем,
Мне заслонит судьбы косую рожу
Лицо святое, светлое твое.

Конечно же, нужно любить человека. Но если ты все это делаешь - любишь, ненавидишь, думаешь... Как в маленькой компьютерной картинке понимаешь, что это ты сам и есть, и разговор идет о тебе самом! Значит живешь - раз видишь. И картошку тоже сажаешь. Кстати, я очень люблю заниматься огородом, только сейчас трудно входить из дому.

Понятия истинное и ложное сейчас путаются, в отношении общества - особенно. А в отношении личности, наверное, сохраняются. Не причиняй боль другому...

В этом трепетном мире,
По сути своей не жестоком,
Осеню признаньем
Травинки, пичужки, зверье.
Всех живущих прошу,
На все три стороны от востока:
Приютите
Любовь!
Иль распните меня за нее.

В лютый зной я без дружбы смерзаюсь. Ты - от хватки друзей-торгашей. Греет солнышком белая зависть к богатейшей любовью душе.

Пройдя пешком
Сквозь годы бед и смут,
Где лишь в мечтах –
И радость, и участие,

Так тяжело поверить самому
В свое,
Почти непонятое счастье.

Кому – финал, кому – дебют... Лишь только мне стезя иная.
Я не издохну как-нибудь: добьют любви воспоминанья.

Позывные мои -
Бесконечно благодарю!
Ты молитвы мои
Допусти к твоему алтарю.
Обними -
Можно мысленно...
Не отторгай, что я делаю.
Подложи мне ладони
Под усталую голову белую.

О ПОЭЗИИ

Великая поэзия... дом, в который можно войти и почувствовать себя свободно, не пригибаясь под перегородками.

Когда-то один поэт заметил: «Вам хорошо, Михаил Николаевич, вы сидели (!) - имеется в виду, что есть своя тема. Но если идти по такому пути: тот не сидел, другой не воевал, третий не расстреливал, десятый не лгал, такой-то говорил только чистую правду... Сварганится из этого такая кутя, что получится хлебово ядовитое, от последствий которого враз не избавишься.

Основной признак поэзии? Она обладает лечебными свойствами. Сказал - избыл внутренний груз. Потому что вначале было не слово, а предисловие. Стон боли, стон голода, холода, попытка осмыслить себя - главная наука о человеке. А слово будет потом.
У тебя есть выражение: «Поэт-затворник обречен перепевать собственную душу...» Не перепевать, Евгений, а РАСПЕВАТЬ. Это разные вещи. Даже «Отче наш», когда эту молитву шепчешь, зная, что ни Богом, ни в храме, ни в райкоме она не будет услышана и востребована, может взорвать человека изнутри. Такие вот дела.

Стихи не могут быть хорошими или плохими. Они становятся такими в глазах читателей.

Поэт необходим, иначе политико-партийная шизофрения закусит нами на банкете в честь победы безумия над разумом.

Надо стремиться к тому, чтобы в законченном стихотворении было больше тебя-человека и меньше тебя-поэта.

На литфронте бои – импотенты дубасят скопцов.

Мастерство - дело наживное. Главное - камертон души.

Блохи (в стихах)... единственное наше имущество, чем владеем. Но что поделать – тоже живые существа, жалко их :))

Напишешь - и написанное будет улыбаться тебе. Если будешь относиться к делу чуть лучше, чем к самому себе, оно будет врачевать, концентрировать энергию. Вызовет улыбку, как у Джоконды - твой труд тебе улыбнется. Это очень важно.

Поэзия - это самосозидание человека без плеток и приказчиков. Какими бы тряпичными лозунгами она не украшалась, как бы не драпировалась, остается главное - видеть в зеркале насущного дня отражение того, что несешь в себе. Мы переходим к пониманию ценности малых величин, из которых состоит большая жизнь. Любое имеет право быть. Человек приходит в мир, чтобы подарить имя свое.

Букв на чистой бумаге полоски - отголоски, от нас отголоски...

Когда-то, сейчас уже в далеком прошлом, при создании «Кентавра» (вологодского общества молодых поэтов) я высказал предположение: « Не оказаться бы вам, ребята, без кольца, вкрученного в небо, и без почвы под ногами». Кто же тогда думал, что для многих именно это и случится? Говорю это сейчас без печали. Жизнебред сочинять легко - жить в нем тяжело. Переход между жизнебредом и сегодняшним не тяжел, но очень уж действительность оказалась зуболомной.

Поэзия и жизненная действительность находятся в странных взаимоотношениях: для того, чтобы понять, о чем идет речь в стихотворном труде, необходим перевод с поэтического на нормальный средовой язык, как для верующих с церковно-славянского на разговорный русский.

Сегодняшний критик - брат милосердия у изголовья тяжело рождающийся современной поэзии, вычерпывающей из себя пустоты прошлого. Поэзия - в тебе самом, рядом, ты ею живешь, дышишь, плачешь. Человек плюс время. Рад тому, что все это набирает обороты.

Если ваш стих порадовал хотя бы одного человека на земле - его стоило написать. Это как от души сказать «Здравствуйте!» незнакомцу.

Когда встречаются два одиночества и поют друг для друга - это уже одна жизнь. Они поют на два голоса. Но если прекращается мелодия одного из них, у оставшегося она звучит сильнее...

Вот этого нам и не хватает - осмыслить, кто мы? Кого мы дублируем столетиями, оставаясь на том же самом месте?

Дурачок сам может не знать, зачем он пришел к церкви и как туда попал. Но если приходит поэт, все становится не бессмысленным. Возникает диалог! Это и боль, и радость, и осознание самоценности.

С глубокой благодарностью прочитал стихотворение и отклики пишущих, читающих. Желание пить из такого родничка неутолимо, оно надолго... К нему надо наклониться, а там сам увидишь – пить или омыть глаза. Увидишь отражение, которое невозможно обойти, и не только свое. У Родины еще не та улыбка, которая гарантирует хотя бы надежду. Пока она больше похожа на гримасу...

Есть движение от себя и к себе. Движение как попытка уйти от заостренности - от себя. К себе - осмыслить свою деятельность и радоваться этому.

Века живет поэзия, века... Чтобы узнать - где главная строка.

Скоморошки-стишки,
Чуть от титьки отпав, облысели.
Певунцы-горюнцы –
Без подачки -
Не взвыть, не запеть.

В опущенном краю больных брэнчал мой голос в общем хоре не звучал.

Пока каждый пишущий стихи всего себя не вычерпает, он себя не найдет. К нему не придет главное в поэзии – самолечение, самоисцеление.

Большая поэзия – это гигантский планетный музыкально-литературный смысловой оркестр, и в нем закономерностей больше, чем случайностей. Если одна творческая мысль затронет стерженок другой – они зазвучат. Они будут играть поэзию. Начинается сыгровка оркестра.

Поразительно то, что бывает очень-очень редко... Не успеешь сделать инструментовку, а уже услышан! И хочется заорать, изобразить на своей харе НЕЧТО... Больше радости или печали? И с высоты такого понимания хотелось бы встретиться и больше не разлучаться.

Пусть эта колыбельная душе своей поется и нам тоже.

Одиночество - как профессия... И в этой профессии рождается поэзия.

Возвращаться к себе. Исповедаться – единственная возможность самолечения.

Когда подаешь сердце на ладони, с ним могут поступить как угодно: промямлить по касательной (возвращаясь с рынка :), пнуть, осмеять... А человеку надо, чтобы его услышали. Пусть слышащих мало, он они есть. Когда-то я в своей жизни осознал: даже если зовешь немо, к тебе рано или поздно приходят.

Жизнь так устроена: и на болоте есть здоровые кочки. Есть! Но что за ним стоит? Что движет автором? Не надо жалеть свое внутреннее богатство. Иначе оно останется в состоянии «до востребования» и, не высказанное, может взорвать изнутри.

В отдельно взятом Божьем продукте есть все. Почва готова в нем самом. И как только создается средовое, из него начинает переть. Без кольца, вкрученного в небо и в почву, творчество - миф, как противостояние обществу в виде Союза писателей.

Мы уходим,
Последние певчие северных стай,
Гениальные в серость
Роняя предсмертные крики.

ОБ ОДИНОКОСТИ

Определение «одинокость» полемично. Ближе к нам одинокость воспринимается как отторженность, забытость, ненужность... Но есть одинокость как неповторимость:

У каждого века
Свой голос,
Свой лик, своя песня,
И в каждом, что будет,
Свои невозможности есть.

Две свечи в ночи - это уже переключка: «Я есть. Иди. Смотри».

Прекрасный портрет сиротства взрослого человека (рецензия автору).

Недолюбленные дышат нам в затылок. Надо догадываться, что людей с таким грузом очень много, но они лишены возможности и умения сказать. Подскажи - они узнают себя и понесут... «Мне хорошо, мне плохо». На дистанции вручается жезл, с которым бежать дальше. Мы в жизни не первоклашки. Но так трудно назвать плохое - плохим. ...Сказать - это разоружить горечь. Она уже не будет тебя бояться, и ты ее.

Предоставляется шанс дружбы, сотерпимости...

Даже в лучшие дни
Тишиной заперты:
Все скрываем, молчим да таим.
И лицо, и слова, и улыбка -
Не ты!
Только слезы у сердца - твои.

Прекрасный портрет сиротства взрослого человека.

Не все еще -
Почти -
Еще не поздно...
Есть я и ты.
У края обними.

В одиночестве, бывает, такого напорешь – не разберется даже самый близкий кореш (читай – тысяча умных). По себе знаю. Так что лучше поговорить с портретом (коллективно подумаем об этом!). А для этого надо больше писать стихов

и показывать свои внутренние драгоценности. Времечко просит об этом. И мы – тоже.

Когда встречаются два одиночества и поют друг для друга - это уже две жизни. Поют на два голоса. Когда прекращается мелодия одного из них, у другого она звучит сильнее.

Ощущать плечом идущего рядом. Но не затягивать эксперимент, а то можно придти не туда...

Здесь отдельной душе – как под сетью гигантскую птице...

Не вдруг... становится не по себе от центрифужного втягивания тебя в холодящую душу догадку: исповедь не состоится потому, что ни родных, ни друзей, ни Родины нет. Остается внутренняя духовная Голгофа, с воткнутой в вершину возраста высотометром пережитого: 10 лет, 15, 25... И по делениям видно – каким ты был, каким стал, что приобрел, что утратил по своей глупой молодости, невежественной зрелости, по причине многих общественных «нельзя». И вдруг в июле 2003 года при 30-градусной жаре ощутишь в солнечном сплетении смертельный холодок одиночества...

Ай да Оля! Таких бы поболее. Холодно, стыло... (свекла на огороде померзла). А тут ты пришла и развеселила (из ответа рецензенту).

Живя в общественном лесу, я одиночество в объятьях сквозь вопль кликушеский несу.

Не выпрашивай, чем я живу.
Убедительно вряд ли отвечу!
Жизни серенькой противоречу
Тихой-тихой снежинкой...
В траву.

Мы знаем при жизни друг друга, не зная - как пламя и вьюга...

ОБ ИСТИНЕ

Хочется поднять к небу глаза и спросить: «Господи, где же конец всему этому?» И знаешь, что конца не будет...

Плачут радость и беда, смертные и боги. Откровение всегда - у конца дороги. Но иногда - и на поворотах. В этом прелесть жизни. И дай Бог, чтобы поворотов было больше...

Учение – свет. Не учение – светоотключение.

Изведав дно, отвергнешь свет - особенно на склоне лет.

«Но не суди рабов...» А кто же будет судить? (К стихотворению: «Но не суди рабов за то, чего им Бог не дал»).

Чтобы найти себя настоящего, надо потерять себя выдуманного. Есть ли в таком умозаключении правда? Есть - если она существует вообще...

И скользя в переметном снегу, я по вымыслу жизни бегу...

Дай сил мне, мысль,
Дай сил, заступница,
Дай сил
На самом тяжком рубеже.

Самое трудное - выйти на размышление, чем прикрыта, во что одета сегодня истина, как она выглядит. И готовить себя к ответу. Вдруг она спросит: «А кто ты?!»

Плачут радость и беда,
Смертные и боги.
Откровение всегда
У конца дороги.

О БОГЕ

Если ты идешь в храм, не неся ничего в душе... То выходя, уносишь на своих подошвах пыль, способствуя его разрушению.

Дорогая моя Таня! Все, о чем Вы думаете и что слышу я - слышу не один я. Слышит тот третий, который всегда между нами. Поэтому мы и понимаем друг друга, слышим и думаем.

Если бы все молитвы живых и мертвых собрать вместе, книги не было бы конца...

Вера - она бесфамильная. Без нее нельзя. Она существует, потому что без нее не получается... пока.

Возвращаясь к прошлому печали, человек остается в раздумьях наедине с собой, вторым собеседником обязательно присутствует Господь...

Заработай у самого себя уважение к себе. Иначе и к Господу-Богу придешь с тэтэшником на разборку.

Желание плакать, желание верить прошло. Уходит, уходит, уходит желанье молиться.

Мы брешем Богу и душе, родным, младенцам и убитым. И Апокалипсис уже стал повседневным нашим бытом.

Так тяжело в Богом проклятой стране жить и дышать... И мыслить тяжело мне.

Не стремитесь к зависимости! От такого жеста прямой путь к общему корыту. Не думаю, что даже самый яростный поклонник обрадовал бы Всевышнего, вползая к нему на четвереньках.

И с любой стороны видит Бог отпечатки казенных сапог.

У Господа Бога человек - товар штучный. Никто ни на кого не похож.

Кому мы благодарны – Богу, людям за то, что палачей своих не судим?

Мы взяли веру напрокат и стали призраками веры...

Есть пятидесятники, а есть «пятисотники». Молятся Богу, только когда по пятьсот «на грудь» заваливают.

И зачем же Бог отчебучить мог?

Не надо мне побед, в которых Бога нет!

Казнил народ царя и Бога.

Безгрешное покаяние...

Избави, Боже, нас от скудоты - когда играют гениев шуты...

От двурущья чада
Ты их, Господи, прости,
А меня - не надо.

Бог нуждается в мыслящих верующих, в думающих, а не в тех, кто с послушной поспешностью кричит: «Распни!»

За Россию, за Союз, за свою охаянность я еще молюсь,
молюсь, но уже не кланяюсь.

Коль света нет в душе - обман дорога к храму. Коль в сердце
нет Христа – во храм спешить зачем?

Мы плетемся не молиться – гоним души на износ.

Мы брешем Богу и душе, казним – рыдая по убитым. И
Апокалипсис уже стал повседневным нашим бытом.

Одно лишь только в этом мире свято – то, что самим же
миром и распято.

Но не суди рабов за то, чего им Бог не дал.

Мне нужен мир без крови и без слез. Но Бог и Время против
нас восстали!

Между Богом и мной кто-то стал толмачом.

В косматых мыслях –
«Отче наш!»,
А на губах
Полынь проклятий.

... За слепцов и тупиц упаду на колени, чтоб Господь мою
горькую мысль не отверг.

Даже «Отче наш», когда эту молитву шепчешь, зная, что ни
Богом, ни в храме, ни в райкоме она не будет услышана и
востребована, может взорвать человека изнутри.

Бог видит все. А суд всегда вершит ничтожество земное.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Самое светлое, что нам остается – это понять друг друга и преклонить колени. Нам повезло, что мы это можем себе позволить.

Печаль на двоих – апрельский сумрак.

Плачет ночная собака. Голос ее остался между деревьев ночных, слез и поз.

Зачем по снегу клюквины?
 Закона манекен?
 Зачем уйду отлюбленным
 И не узнаю - кем?

Сны юных лет... что видятся вдали, как из тетрадок школьных корабли.

В дальних маршах, в снегах и в пыли ты мне виделась, может быть, дальше, обновленная нежность Земли.

Но близость и участие хочу найти взамен не найденного счастья.

Для того и топаем по земле, чтобы увидеть и ответить – улыбкой, рукопожатием, словом помощи...

Счастье – словно заняли:
 Прилетит украдкой:
 То ли – наказание,
 То ли – радость краткая!

Андрюша, Володя, Эржи, Сережа, Галя! Дорогие мои! Всего себя выкрикнул бы – слов благодарности не хватает, да и спазмы мешают словам. Вы и так поймете. Ураганное спасибо.

Дело не в том, на каком боку лежал хлебушек под огнем, нас опалившим, а в том, что мы из этого огня вышли и вот затрагиваем струны пространства. и оно звучит...

Семидесятый выпал снег.
 Все дорого, что за плечами.
 Я слышу плач!
 Я вижу смех...
 Улыбка в рамочке печали.

Мы в жизни - не первоклашки. Так трудно назвать плохое плохим.

Идешь по улице - на дороге копеечка. В кармане шесть тысяч, а копеечке все равно радуешься, потому что радость неожиданная. От чего-то она отвлекла. Элемент неожиданности - прилив адреналина. Идешь дальше и уже шарить глазами по земле...

А от чего отвлекла? Стоп. Фиксирующий момент - о чем думал? А иногда просто хочется запеть, и больше ничего.

Ковыляли вкривь и вкось
С долей маминой,
По дороженьке,
От слез затуманенной.

С такими, как ты, Маша, и жить тепло, и умирать не знобко
(из ответа автору).

Тихо-тихо-тихо
Облетает снег
Нынешнего лиха
В мой вчерашний смех...

Не знаю, кто ты, друг. Пока видна дорога, усталых рук,
прошу не опускай до срока.

Ты прости меня, далекая, родимая,
Не брани за преждевременность седин:
За утерянное, за необратимое!
Жизнь уходит.
Ты одна. И я один.

Зарастают берега. День сменяет ночь густая. В травы
падают снега, наши стежки заметая.

Встречая одинокий взгляд, прошу: беги от злобной жажды.
Все наши боли догорят. Все слезы высохнут однажды.

Так хочу в ту страну возвратиться, где давно меня в памяти
нет...

Трудно быть мужем и женой. Но в любом случае остается
чувство благодарности к пройденному вместе жизненному
пути. Поле приюта и мудрости настолько велико, что в нем
остается место и для любви, которая грела в юности.

Ведь это человеку обязательно надо, чтобы его кто-то приветил, погладил по голове. В войну так воспринималась полевая почта. Я без вести пропал для сверстников и друзей военных лет – да их, скорее всего, нет в живых, а если кто и есть, в лицо не узнает.

Гляжу на август сквозь стекло, пытаюсь избежать ответа. Как быстро время протекло. Как быстро стынть сметает лето.

Желаньям прежним вопреки, все реже чайки у реки, и телефонные звонки, и расставания, и встречи... Все реже меня тревожат чьи-то встречи.

МИСТИЧЕСКОЕ

Пусть спят сомнамбулы. Пусть спят. Проснутся – будешь ты распят.

Идти направо - быть убиту. Свернешь налево - сам убьешь.

Контуженные тени романтикой расстрелянной живут.

И сил уж нет... мне жаль тебя, многострадальный свет. И длится, длится много лет один и тот же бред.

Днем гремят зазывал бубенцы шутовские. И шуршат по ночам тараканьи бега.

Не тем гордился и не то берег я, плачущий зеркальный носорог...

И все, что я вижу - не ложь, не случайность познания, а знаковый комплекс таинственного мироздания.

Страшись безликой тишины,
Когда в единой круговерти
И жизнь, и смерть обручены
В таинственное жизнесмертье...

Харизма – харя изма какого-нибудь.

О ЧЕЛОВЕКЕ

Человек... в застегнутом состоянии, а хочется сразу большого. А если его положили, как одуванчик, на ладонь, и показали миру – зазвучит мировая симфония.

За сто лет выплакано столько слез, что к прошлому, наверное, можно плыть на лодке... Слезы – признак человека: и радость, и скорбь тоже.

Каждый человек из жизненной хохмы выбирает для себя то, чего ему не хватает.

Человек формируется от среды. Это то, что дается ему по природе. Первично - сбалагурить, сказать емко, хорошо, красочно. После этого появится уважение лично к нему. Его будет уважать администрация. Но это - только в той обстановке, во времени (о тюремном фольклоре). С ним и в карты будут играть только на «Вы».

Человек старый – безразличный. А способный удивляться и дышать полной грудью – нет. Что Вы! Сейчас многие молодые не умеют, к большому сожалению, удивляться, все больше постреливают да ГРАБЮТ. А ведь интересно дотянуться, заглянуть, что «там, за штaketником...»

Все здоровое в этом мировом вонючем нужнике - осознанное, страдающее или хотя бы не утратившее чувство омерзения к тишайшим розовым благостям.

Поразительное свойство голоса человеческого – за тысячи километров, тысячи потерь, надежд и безнадежности вдруг слышишь голос, который работает на том же камертоне.

Каждый распространяет вокруг себя ту амбру, которой его природа наградила.

Страшно, когда производное нашей радости - беда ближнего.

Слаб человеку, слаб...
Подсиживаем, шепчем -
Раскрепощенный раб
Тоскует о прошедшем.

Нам самих себя не жалко много-много зим и лет...

В массовом сошествии с ума сколько лет, лихая кабала, ты Россию в рай земной гнала? Саблей, топором, свинцом, кнутом человека делали скотом.

Но человеком быть уже на белом свете не престижно.

Взглянул в себя. Там больше нет раба. Но Человека тоже не осталось.

Стой, че-ло-век...
 Застыл я, не дыша.
 Ржавь проволоки,
 Пихты да березы.
 Я камень сдвинул -
 А под - ним душа.
 Прильнул к травинкам -
 Зазвенели слезы.

Даже доброта, если ее невозможно реализовать, взорвет.

Мне человека в жизни жаль. А человечества - не знаю...

И каждый груб не потому что глуп, а потому что сам себе не люб.

Помни: твое имя - Человек. Не ссылайся на жестокий век!
 Вглядывайся, думай... Не молчи. Веком могут править палачи.

Печали на каждом причале, где нас встречали и привечали...

За пищу, славу, за чины (один или семья!) мы были все обречены проигрывать себя.

Через великий страх подавления человек приходит к тому, о чем он думает и пишет.

... Нет личной позиции, но есть позиция личностей. Это перетекающие уровни: усилия одного действуют на уровень другого.

Защиты нет. Все в нас: и свет, и полночь. Неколебим и прочен чертов круг.
 Не стоит нищих духом звать на помощь. Не стоит унижаться.
 Руку, друг.

Верь в силищу лапищ,
 Рассудок - дурак.
 Все в судьбе:

Чем нынче ты платишь,
Тем завтра
Отплатят тебе.

Ты один, я один, каждый смертный один! Вместе – пасынки века. Я ищу тебя среди лиховеерных годин – где ты, Сын человека?

О РОССИИ

Я, Россия, к тебе прикасаюсь болевым разворотом души...

Россия, властная держава!
В эпоху черного крыла
Твоя незыблемая слава
Моей трагедией была.

Кем надо быть, чтобы годами терпеть унижения и оскорбления человеческого достоинства? Кем надо быть, чтобы пройти через испытания тюрьмами и лагерями, геноцидом страха и междуусобными распрями и расстрелами, голодом и войнами, и при всем том обожествлять своих палачей? Кем надо быть, спрашиваю я, и отвечаю: русским.

Россия - птица,
Над землей обильной
Ослепшая
От поиска пути.

Родина, склоняясь лицом разбитым, детскую качает колыбель.

Сами, сами подписали мы своими голосами обречение свое.

Великорусская идея спать русским нищим не дает.

От бракосочетанья рая с адом Союз всегда кончается распадом.

Воспитанные героизмом бедствий, творим Добро! Не ведая последствий...

Моя Россия – ум и нежность. Бандитски-рабья – не моя.

Распиная, враги помогли
Сердцем впитывать святость твою.

Обо всем и всегда
Говорил я с Россией на равных,
Постигая хребтом,
Что для смертного нет мелочей.

Безсмыслие влечет к вину. И пьется со стыдом за
неприятную страну, за свой бездомный дом.

Россиюшка, Россия - идейный полигон энергии бессилья.

Скажи - почему угасают сыны в остывших глазах
безразличной страны? Кто бытом и горем, кто страхом
зажат... На поле ребята и в море лежат.

Исчезли отцы. Отразились сыны в остывших зрачках
безразличной страны.

У Родины еще не та улыбка, которая гарантирует хотя бы
надежду. Пока она больше похожа на гримасу...

Прошел еще один ненастный год в системе всероссийских
непогод...

В гигантских масштабах прошли мы страну подневольно,
трагизм ее взлетов, прозрений ее тупики. Ломали нам жизни
продуманно и произвольно блюстители права, подручные
сильной руки.

За хвост саму себя кусая, Россия мчится по кольцу.

Две вечных российских проблемы:
«Что делать?» - и «Кто виноват?».
Ни четкого плана, ни схемы...
Россия, Россия - виват!

Страдальная, Россиюшка-Рассея... Не отделить пожар от
новоселья, терноводумье сына и отца.

Осада! Пустофразие!
Свой - не свой, с дороги уходи!
Масленицу ладит полу-Азия,
Крест прижав к языческой груди.

Уверен: когда слово Родина будет произноситься вторым
после «сынок»... оно не будет ввергать живущих в страх.

У нашей Родины очень уж непостоянное меню.

Давай сопьемся за Россию...

Все почести твои - для мертвых. Все злоключенья - для живых.

Конечно, нет гарантий твердых,
 Не хватит всем сторожевых.
 И все ж в стране, где любят мертвых,
 Интеферентны для живых.

Россия - щедрая душа. Всех угостит из калаша.

У нас опять ни месяца, ни года, гром барабанов, гимнов и атак. Я не реву. Дождит. И непогода. Несдержанность, ребята... Просто так.

Живут хорошо - человек с ружьем и человек с «рыжьем» (золотом).

Мы здесь - слепцы
 На златище несметном.
 И правда наша - ложь
 И плач.
 Ворочается в каждом смертном
 И оборотень, и палач.

Российский хит - кровавый хит в стране гражданских панихид.

Мадам, Россия, облетают листья? В глазах твоих откуда эта стынь? На рынке изнасилованных истин горит наследство погранных святынь...

Кресты меняя на медали, перебиваясь на бобах, идем в сиятельные дали с кровавой пылью на губах.

В шапках-домиках,
 В чунях-болонах
 Обрядили страну в уголовных
 Блатари из кремлевских палат.

...Победоносному народу не отдышаться от побед.

Шарлатан ждет похвалы от режима. Верующий - от Бога. А у нас Родина - начальник, генсек.

Сбрасывали царское ярмо, чтоб в такое вгваздаться
дерьмо...

Все мы, пресветлая,
Дети твои и союзники,
Млечные тени
Бетонных твоих крепостей.

Не шарм, не Спас, не ложный шик. От СССР остался пшик.

Страна, в которой от нищеты и бесправия стремятся
избавиться при помощи увеличения количества палачей.

Советский пепел
На кострах
Еще горячий!
А Россия
Уже внушает древний страх,
Живя в предчувствии насилья.

Скипелись мы, как кладка древней стенки.
И подорвав, нас разлучить нельзя.

ОБ ЭМИГРАЦИИ

Во всех нас, русскоязычных, есть что-то от Советского Союза, но авторы этого сборника («География слова») – раскованнее. Много элементов не боязни, отсутствует шаблон, снята ржавчина соцреализма. Под крышей сборника каждый из представленных поэтов может наблюдать за собой - что он весит на ладони времени.

Эмиграция - как отпускное путешествие без политического шлака. Снимается панцырь самоограничения.

Долг – это долгий путь без перемен.

Уехавший - в состоянии разлома, но ведь и мы, оставшиеся - тоже. Одно это превращает «мир тот» и «мир этот» в мирдом, выходя из которого, мы никогда уже серьезно не проща-ем-ся! Эмигранты сегодня – не оторванные листья, разлетевшиеся по планете. В разных краях они смотрят обратно – на Родину. У них уже не советское восприятие, но и не космополитическое. Поза в полуобороте к Родине, которая и «там» - все равно Родина.

У пишущих в России... больше (чем у эмиграции) возможностей наблюдать идиотизм сегодняшнего дня.

Родина – где нужен, хотя понятие «нужности» – философское...

Где бы ни творил русскоязычный автор, его настоящий читатель будет все же в России – там, где этот язык родился

О СВОБОДЕ

Толпа и свобода - клинически не совместимы.

Свобода - тягостная ноша для большинства казенных россиян...

Рухнули своды идей –
Красные, звездные своды.
Призраки вольных людей
Стонут под игом свободы.

Наша свобода - на высоте птичьего помета.

Нет без волюшки-вольной, нет песни. Рабыня – бывает. Вот тогда из удушья придет Емельян Пугачев.

Государственная цензура – это нравственная нецензурность.

Нет. Мы без страха - без святыни.
Русак без деспота - труба!
Смешон бы был
Корабль пустыни -
Вообразите! -
Без горба?..

Бурлит страна на вираже. В огне свободы - жесты, лица. И от истории уже не скрыться и не отмолиться.

Самообман?
Большая страсть?
Нам,
Славящим свободы имя,
Дано тиранов мертвых клясть
И лебезить перед живыми.

Маясь несварением свободы, царской крови жаждет скудота.

Жаль, гаснет жизнь. Короче путь. И воздухом свободы не вдохнуть.

«Все обещаья – ложь», - мне шепчет краткий путь. И воздухом свободы не вдохнуть.

Свобода - что она, мой друг?
 Когда идешь по жизни молча,
 Плеть формирует
 Стайный дух,
 Станичная культура волчья.

Здесь жаждал я воли! И вот от невысказанной воли как будто у края разверстой завис полынью...

Перед тем, как душой надорвусь,
 Перед смертью хотя б
 Распахни мне, Отечество, двери,
 В Дом Свободы,
 В Дом правды,
 Распахни,
 Я прошу тебя, Русь!
 Мне бы только взглянуть...
 Тяжело умирать, не поверив.

О СЕБЕ

Обо мне будут говорить много и разное, и каждый раз это будет правда говорящего.

И бьет меня сегодняшняя гласность, как прежде обезглашенность моя...

Арифметика дел: бредни дикой борьбы пережиты. Из-за правды и лжи растерял я своих дорогих! С превеликим трудом обучаюсь искусству защиты: каждый день, каждый миг от себя защищаю других.

У верблюда два горба, а мне с одним горбом труба.

По зыбучей-по зыбкой по оползи стежка моя...

Я все прошел и все забыл. И оговор, и приговор, и заключение, и забвенье - одной цепи карательные звенья.

Я родился в узилищах и от них не так просто избавиться.

Антисоветчик, антипатриотист, антирусист... Вины в том, что он плодится быстрее, чем рождается человек – с себя не снимаю.

Ну, вперед мое сердце! Не время еще в конуру.

От себя голова поседела...

Ах сердце, сердце! Что с тобою? Ты – спичка в дождевой ночи. Прощаюсь каждою строкою в безгласье гаснущей свечи.

Вот такие, брат, дела: жизнью жизнь ли та была? Минула - осталась глупость и усталость.

Нужно избавляться от ушедшего в самом себе, если это помогает. Если держаться вертикально, избыточный груз уходит, ибо это и рука и мысль человека, действия которого предсказуемы.

Мне судьба едина дана,
И хочу прожить ее до дна
Не в казарме братской,
Не в раю,
А свою,
До искорки свою.

Из ответа автору: «Завидую вашей энергетике. На моей и спать жестко, и на коньяк не хватает».

Мысль, как узник, в былое глядит, ожидая расстрела, до жестокой тоски ощутив пустовой бытия...

Обо мне говорили не все правильно, но больше говорили молча. Меня называли человеконенавистником, но, наверное, есть что-то выше меня - более человеконенавистное... Большой частью говорили несусветчину, умышленно «не понимая», что это несусветчина.

На самом деле дело не во мне (тюремщина, мизантропщина). Есть что-то более страшное, чем я. Хотелось бы думать, что это - недопонимание («нечем думать и чувствовать нечем»), но на самом деле это боязнь того, чего все боятся - конечно, не Господа-Бога... А вот сознаваться тяжело. Поэтому я воспринимаю все это как еще один не зарифмованный анекдот.

Не жив, не мертв. Не горестен, не рад.
И вижу ангелов - в бандитах.
Десятки миллионов пережил я правд,
Больных, обезображенных, убитых.

Быть при деле - это еще ничего... Лишь бы «Дело» не при
мне. «Хранить вечно».

Меня столько обижали молчанием, что обидеть гласностью
уже невозможно.

Мир держится на здоровых кочках среди гнилого болота.
Осознанием не одиночества близких духом живу - надо жить
для того, чтобы они не отчаивались!

Уж не я ль, уж не сам ли -
Через дымную вьюгу -
Как подбитая цапля
По горящему лугу...

Когда аппетит чудовищный, а жевать нечем при челюстной
импотенции – останемся мы с вами и еще кто-нибудь.

Не нервничать – значит ничего не делать. Когда ходить
некуда, ходишь под себя.

Ценим! Но платить нечем...

Я-то дышу глубже, а получается, чем глубже, тем глупше...
:))

К своему одиночеству обращаюсь по имени-отчеству.

В своей державе быть собой – тягчайший, смертный грех.

Я никогда не был антисоветчиком, антипатриотистом... Я
всегда был антиидиотистом, чего еще больше не прощают...
Я никогда не испытывал неприязни к государству -
испытывал неприязнь к той мерзости, которая творится
около него.

От Чечни до второй мировой
Поэтапно вернулся живой,
Чтоб взглядеться
Оттуда -
Сюда -
Через сумерки слез и стыда.

Хрупкое государство под названием – Детство... Ему нет забвения и нет-в него возвращения. Кто его лишен – не простимо, непоправимо. Я однажды чуть не сгорел от запоя, когда хотел в него возвратиться. Остановил сумасшедший крик из глотки: а вдруг не получится выйти из запоя? – и этот страх победил.

... Невозможно забыть и страшно терять. Но возвращаться нельзя: пришел, увидел (не то!) – и потерял.
Это всегда болит, «как у солдата отнятые руки»...

Я не антисоветчик, не антипатриот... Я пишу только о том, чего нельзя повторять в жизни.

Живу седьмой десяток лет, а жизни не было и нет.

«Молчи, скрывайся и таи!» И думы тягостны мои.

Если повернуться к жизни в профиль, откроешь сундук с пережитым... И найдешь столько ненужного, что без юмора жить нельзя. Серьезное окажется ненужным и наоборот.

Я припаду к земле душой, вмерзая памятью в Россию...

Поздний, единственный, близкий,
Кто мы, дружище, скажи?
Мертвой страны обелиски
Среди завьюженной ржи.

Но я, пройдя мирскую бойню, оставлю память о стране - о нынешней и той, что помню.

Ни свечой, ни страхом, ни мечом не хочу участвовать ни в чем.

Чернь бездумна и дика, что сегодня, что встарь. Сам себе я владыка, сам набат и звонарь.

Далекая луна.
По травополью
Иду сторонкой
От грызни земной.
И боль моя
Становится не болью,
А частью жизни,
Сросшейся со мной.

Жизнь моя принадлежит Державе. Смерть моя принадлежит Державе.

Что же лично мне принадлежит?

Мне страна подарила стальной, не терновый венок... Я за несколько лет стал на десять веков одинок.

Молитвы. Плач. Песни и пляски. И в этом зверином лесу себя в инвалидской коляске я в «светлое завтра» везу.

Сам пред собой в закате золотом - слепой пастух, растоптанный скотом.

Я был
 Не по своей вине
 Живой мишенью
 Мертвых пашен.
 Четыре года -
 На войне,
 Полвека -
 Без вести пропавшим.

Находиться и действовать в состоянии измененного сознания: выставлять оценки своим мыслям, действиям в произвольно измененной политсреде.

О чем я не мечтал –
 Не помню сам:
 Пройдет война,
 Вздохну на всю планету,
 Всем детям – хлеба!
 Взрослым дам вина!
 И в мир уйду,
 Где героизма нету.

После скитаний по земле, и не найдя жилья, я возвратился сам к себе и не узнал себя.

Осудил меня век для кочевий - возвращаться до смерти домой.

Воет душа так удушно и сдавленно, выплавав слезы надолго вперед.

Вот за то, что не слеп по команде – стал тенью от века...

Я боюсь шевельнуться: сидят во мне черные сны.

Есть груз, с которым не пойдешь к соседу. Безмерный груз -
гремячая вода. Я тихо сам с собой веду беседу: «За что вы
казнены, мои года?»

Темный парус над общей недолей. И сидит здесь душа моей
памяти – псом, на цепи...

Монографией века,
Жесткой оптикой дня
И герой,
И калека
Молча смотрят в меня.

Я тем и отличаюсь от многих других, что пишу только о
пережитом лично – о жизни своей, сверстников, близких.
Если кому-то непонятно, нет трагедии. Тому, кто не бывал в
заключении, не объяснить вкус хлеба тюремного. Надо ли
это переживать? – наверное, нет...

Врагов у меня нет, в моей задаче – только дружить. И
слишком мало времени осталось на циферблате моих часов
для обид и какой-то вражды. Успей улыбнуться, подарить
кому-то радость, это сейчас мой девиз.

Но враги почему-то постоянно есть у государства (смотри по
телевизору). И все-то на него, бедного, вероломно налетают.

Дело в том, что в моем творчестве нет никакого лирического
героя. Это литературоведческое определение, родившееся,
если не ошибаюсь, в шестидесятых годах, обошло меня
стороной. Я никогда не использовал эту форму, а просто жил
и выражал то, что довелось прожить – эмоциями. Мне жизнь
отвалила немало, и в каждом стихотворении я совершенно
искренен. И тогда, когда через наше село под Харьковым
проходили армейские части:

«И пошел я рядом
С ними вдоль села.
Шел в солдатских валенках
Ростом не по мне,
И остался маленьким
Где-то на войне».

И потом, когда...
«Кипит снегами полынья,
Бьет по лицу, по синей коже.
Стоит над тундрой
Тень моя,
На сорок лет
Меня моложе».

Думаете, мне - малолетнему участнику войны - было не обидно, когда

«Гремя огнем и блеском стали,
Победоносный свой уют
Пропили мы и просвистали.
Враги давно друзьями стали
И нам на нищенство дают».

И моя ли вина в том, что

«Шел в коммуну паровоз –
Оказалось, мимо.
Утонул в потоке слез,
Ни огня, ни дыма...»

Момент истины для меня - в каждом стихотворении. Ничего не скажут читателю мои биографические подробности, которые, поверьте, весьма банальны и достаточно описаны многими хорошими писателями (тем же Солженицыным). А я стихами живу, осмысливаю ими действительность, заключаю в формулировки, чтобы жить и думать дальше.

Другое дело, что в мою задачу как автора входит не просто писать, но создавать читательскую аудиторию, которая будет это прочитывать так, как мне хотелось бы. Читатель не должен действовать по формуле, которой, скажем, научили его в средней школе: «Дай все сразу и сейчас». Он тоже должен всю жизнь учиться читать и понимать...

Тело каменным стало. Душа только помнит побои, отшагав со странюю ее исторический пласт.

Каруселька страны,
Каруселька судьбы,
Каруселька...
Смех и слезы – лечу,
Закружила ты в доску меня.

Так увечно прожил. Так калечно рассвет прозреваю...

.. И вновь кричу закрытым ртом осмысленный ответ: «Я рад бы защищать свой дом, вот только дома нет».
(Закрытым ртом кричу с трудом, с печалью и стыдом: «Я рад бы защищать свой дом... Да только где тот дом?»)
(И я кричу разбитым ртом, Вжав голову до плеч: готов за свой бездомный дом на амбразуру лечь).

Я мог бы рядом с сыном встать, но сын давно убит. В погибель вбуханы года. Обрубленные руки... И уж не будет никогда ни встречи, ни разлуки.

Петь я давно не умею. Плакать уже не могу.

Я понимал – потребуются годы,
Чтоб осознать трагический урон
И в черновой российской непогоды
Вернуться после личных похорон.

К покаянью души я годами иду в свою Мекку одиноко и
молча, как пропавший без вести солдат.

Разметав седых волос кудель, в мыслях путаюсь - куда
теперь?..

Обращаюсь сквозь глумь и молву
Во четыре конца неуютно -
К мировому братанью зову.

Я припаду к земле душой, вмерзая памятью в Россию.

Поддержи меня, Родина,
Не лишай только мужества жажды:
Дострадать, досказать,
Догореть без остатка хочу.

О ТОЛПЕ

Жутко хочется жить в мире... над спешащей толпой. А ей не
жутко от самой себя? Интересно.

Счастье на сухом песке рисуем,
Вслушиваясь в хруст.
Каждый
До песчинки предсказуем,
Потому что пуст.

В результате концентрации человек начинает выделять
места, где формируется культура... запаховая, глазная,
ушная...

Народ и есть народ, не боле: то табунами церкви жечь, то
бандами на богомолье.

...Чтоб взрывала глубинная совесть наш безликий и
тягостный пласт.

Это ты, усредненная,

Серая, смиренная сила,
 Одного не жалела -
 Для жертв на глаза пятаки.

Начнем с опричнины, Малюты, царствования Петра...
 Народом было поддержано все. Сталинизм - в том числе.
 Двадцать с лишним миллионов в партии. Сегодняшние
 опросные цифры не определившихся. Складываем
 арифметически! Убеждаемся, что такого понятия, как народ -
 нет. Речь может идти о стаде запуганных животных.

И любят нищие салют, и умирают по приказу.

Не мешай бегущим от себя.

По новому молоть можно, мыслить – сложно.

Всевечно захребетники страны
 Доверчивых сгоняют в табуны.

И земли под ними нету, и в небе не за что держаться.
 Духовная подвешенность, внутреннее смятение.

Слепопокорный раб,
 Творец, палач и воин.
 Когда ты станешь
 Лучшего достоин?

Выживать - это перечеркивать историко-культурный свой
 путь, становиться - как все. Для высколенной чиновности
 приемлемо только то, что свободно проходит под нижним
 основанием планки ее мироприятия: не может служить
 примером для подражания, не нарушает дремучий сон
 мысли, не мешает жить, напоминая о нравственности, о
 чистоте душевной.

Человек, принявший безропотно «программу» как-нибудь...
 труп.

Меж дьяволом и Богом гипнозная орда кочует по дорогам
 неведомо куда.

Человеку – трагично.
 Массе – может быть голодно, стыло.
 Срам и скорбь за бывшее –
 Такое – увьи! – не для масс.

«Распять пришедший...» Не беру на себя задачу скульптора: обрубив все лишнее, превратить живую глыбу в мертвый идеал. Для этого существую профессионалы. Но умение подать себя профессионально - не гарантия деторождения, сотворения нового. Общество, однажды распявшее Христа, обречено идти этим путем до конца: оно не пойдет на создание нового Бога, это ему не под силу. Оно будет распинать признаки божественности в человеке; штемпелевать татей, распинать и преследовать, чтобы самому казаться чище, чтобы состоять при деле. А это, в свою очередь, будет вызывать к жизни кающихся - без греха, за грехи других, приговоренных к любви как к высшей мере.

Мы с блеском лжем своей душе,
 Больным.
 Забытым.
 И забитым.
 И Апокалипсис уже
 Стал повседневным нашим бытом.

Сходи с ума, запейся, волком вой - толпа всегда останется толпой. Защита и опора не вокруг. Она в тебе. Ищи себя, мой друг.

Горбя до треска сухожилий
 За пайку, водку и пшено,
 Вы митингуете,
 Как жили -
 Тогда,
 Когда разрешено.

Мы все еще гордимся тем, чего пугаются другие.

Дикость. Мерзостно. Убого.
 Донной серости массив
 Съел царя, пригваздал Бога,
 Большевиком закусив.

Пусть в хоре безразличных на меня, на одного, но все же будет меньше...

...Не удивлюсь, когда возрастут из праха мутанты духа с лицами людей.

Без плетки и без пут толпе не сделать шага!

Жизнь меня научила
 Различать наперед:

Где - лицо,
 Где - личина,
 Где - табун,
 Где - народ.

Куда спешим? Не знаем... Потупив в землю взгляд, с сомнительным сознанием гребем вперед-назад.

Глас народа - насмешка,
 Черный юмор в альбом.
 Обреченная пешка
 При раскладе любом.

Раб – это ведь не обязательно нищета. Понятие не классовое, а поведенческое. Может быть раб привычки, традиций, раб по доброй воле. Можно считать себя свободным, а на самом деле быть рабом клана, принадлежности к толпе... Когда охота скрыться за спинами, пока зов времени не вызовет тебя из этой рабьей униформы.

И любят нищие салют, и умирают по приказу.

ОБ ОБИДАХ

Люди, не торопитесь с обидами!

Я не был в Интернете две недели. Жена в городе отсутствовала. И вот посмотрел... Сколько же в этих высказываниях, в том числе от моего имени (в «Общих вопросах») неприязни, нетерпимости, шипения. Как же все это грустно..

Сколько живу, а конца этому нет. А ведь в каждом из нас есть неисчерпаемый запас доброты.

Прошу: помашите уходящему с улыбкой. Если не можете улыбаться - помашите просто так...

Мы с тобой
 У края поля битвы -
 Два судьбой плененные врага.

Не стремитесь перенасиловать насильника и укокошить подозреваемого в убийстве. Давайте не будем уподобляться дантисту, удаляющему зубы с помощью кулака. Нам всем вместе и каждому нужна сестрички~~я~~ милосердия, умеющая хотя бы выслушать молчаливо.

Не торопись! Не проклинай. Поплачь...

А вдруг палач не знал, что он палач?

Не надо слов.
 Забудь слова,
 Когда от них одни обиды.

Существую - существ-вою (существенно вою).

Нас по поздней морали
 Не раз и не два обокрали
 Грязью чистых анкет,
 Дефицитом любви и тепла.

«Неумение плакать... А хочется. Было б плечо». А не может ли так случиться, что когда появится плечо, пропадет желание плакать? В чем причина – в плече или в желании плакать? Бывает: плачешь, как платишь. А бывает, не можешь сдержать слез, ничего не замечая вокруг.
 ...А на два голоса даже плачется, как поется.

Не отплати неправдой - лживым,
 И клеветой - за клевету.

Проклятых слов не запомнил. Радостных глаз не забыл.

Сначала молчаливая обида, потом мордобой, а потом вообще ничего.

Для обид на моем циферблате нет времени.

Подмяв братишку под себя, лежу я - мордой в грунт. Кому предъявишь груз обид? Чужие все кругом. Я жив еще, а он - убит. Своими, не врагом.

...Чтоб не забылись
 Боль и милость,
 Где не разбился
 В темь и склизь:
 Где ложь чужая позабылась,
 Мои отмщенья не сбылись.

Уходим мы немо, с обидами, с униженностью и стыдом, чтоб встретиться в грунте с убитыми гуманным советским судом.

Смехота. Даже смех не берет. А для горечи времени мало. Перекурим - и только вперед! Нынче - что? Не такое бывало...

...И разбитые доты
 Человечьих улыбок,
 И воронки-глаза.

Но одно поражало:
Сквозь сплошные ушибы -
Потрясающей правды слеза.

Плачут деды и внуки, плачут урки и мурки...

Давняя обида и беда - со стекла оконного вода.

О ПОЛИТИКЕ

Федерасты, депутаты, тати! Долго ль биться будете за трон?
Душам женским отдышаться дайте. Тяжко им дышать от похорон.

Правитель добр - считают, слаб. Не в нем беда, а в нас напасти!
Народ без права - жалкий раб. Кровавый бунт - народ у власти.

Беда одного человека – это личная трагедия. Беда вождя - трагедия народа.

Ни света цельного, ни тьмы. Желтки домов. Деревья голы.
Не те сердца. Не те умы. Не те пророки и глаголы.

Культурный прах.
Плоды висят –
Безумства властной непогоды.
И в тридцать лет, и в шестьдесят
Несу в себе ее невзгоды.

Обрядили страну в уголовных блатари из кремлевских палат.

... Обслуга госмашины. Все наши торжества насквозь фальшивы.
Все будни по печалям - близнецы.

Если наши жертвы нипочем – государство стало палачом.

Пестрят призывы. Лязгают затворы. И льется кровь. И судят нищих воры.

Прелюдия идиотизма.

Выбор: либо помог, либо раскулачил.

Умная собачка раньше определяет, когда что дают. Если даже только понюхала. Знает, кем и зачем послана.

Бросок под сень орлов от многозвездья...

Над поруганной верой лжемолитвы слышны. Камень зековский серый - символ рабской страны.

Боже мой, сколько раз
Молодым человеческом мясом,
Наспех сляпав Указ,
Затыкала ты
Прорву,
Страна...

Мертвой собачке подаяние.

Наше кредо - уйти от политбреда.

Звенят медали ниже палисада.
Лизадистые ранговой толпой
Привычной древнерусскою толпой
Спешат к амбре начальственного зада.

Появились новые симптомы внематочной беременности партии.

Воистину «болеют о стране» две партии - жандармы и бандиты.

Лишь кровь да слезы льются-льются за наши мысли и дела.
И ни одна из революций народ к добру не привела.

Регисталинский гимн.

Побивали камнями безумье,
Топорами, свинцом
В совершенстве безумье творя.

Затеяла кровавый урожай. Взятась руководить - не унижай.

Все отчетливее вижу заостряющийся нос и обтянутые скулы
российской демократии.

Когда страна прикажет быть героем, и трактор заболит
геморроем.

Здравствуем, лжем и малюем. Я говорю мордоплюям:
«Перестаньте украшать мясорубку».

Пестрят призывы. Лязгают затворы. И льется кровь. И нищих судят воры.

Не каждый Иосиф - библейский. Мы пустили в свой дом Иосифа, но не учли, что это Джугашвили. А он до того разросся, что вручил нам домики с решетками...

К стихотворению «Два сокола» (о Ленине и Сталине), которое в сороковые годы заставляли учить все детей:
«Один сокол – лысый,
А второй – с усами.
Что это за птицы,
Догадайтесь сами».

Мы все еще гордимся тем, чего пугаются другие.

Если наши жертвы нипочем – государство стало палачом.

К власти чистым не выйти. Нет честной дорожки к посту.

Опочил Сатана – но осталась железная хватка.

Страна богатейших ископаемых и рабов.

«Но не суди рабов...» А рабы-то судят. Поэтому я и сегодня живу с теми же отбитыми легкими и все чаще вижу заостряющийся нос и обтянутые скулы Российской демократии.

Были мы малютками
В культурном режиме.
Выросли ублюдками,
И очень большими:
На шеях - кресты.
Глазницы пусты.
К святыням всемирным
Спалили мосты.

Забастовки. Прорва прессы. Шаромыжат шабаш бесы.

Довольно бредословья политбасен. Народ опасен. Человек - прекрасен.

Ушел Амин, так и не осмыслив... «Аминь».

Они разбили ему голову краеугольным камнем марксизма и удавили красной нитью.

Многое зависит от плотности насильного и добровольного политгипноза. Все настолько смещается, что проживая в узаконенном раю, вдруг обнаруживаешь, что пребывал в аду беззакония. Так было с нашим поколением...

Устал я за истекший век
От государственных опек.

Общество наше, годами не грея, дымит...

Меня нисколько не удивляет, что сегодня планета умирает «от здоровья». Она умирает от здоровья, которое с помощью СМИ внушают нам политические эскулапы.

Над распятым рассудком – естественно и политбюро.
Панихида и благовест. Вопли и колокола.

К ВОЙНЕ В ЧЕЧНЕ (смотрим телевизор)

Диалектика войны: раньше герои выходили и бились один-на-один, а народ ждал своей судьбы. Теперь сильные мира сего сидят в бункерах, а народ подставляется под бомбы.

А ну, акбар - вали в амбар.

Какие же они послы? Ослы! Они уже выезжали раненые... в сознании. Кто же выезжает по такой дороге?

Без намаза - в глупь Кавказа.

Предлагается надпись на воротах базы Гуантанамо: «Сиди, баран. Учи коран. И в мире будет меньше ран».

Мечталось так: «Ну вот, еще немножко... Ни кличек, ни палаческих имен». Но на столе кровавая крошка - баланда всех народов и времен.

В трансе все! И мы никак не можем - хлещем дикой глупостью по рожам не кого-то, а самих себя.

Не дуди, полководец, в дуду,
Накликай другому беду.
Ты забудешь - погостная птица
На гнездовье к тебе возвратится.

Весенне-пулевые работы.

Как ни дико, для определенной части населения терроризм стал лекарством, чтобы почувствовать себя человеком.

И траур, и хит,
«Не убий» и резня.
И дым панихид
Удушает меня.

ОБ ИНТЕРНЕТЕ И «СТИХАХ.РУ»

Оркестр указывает адреса, по которым можно найти близких по духу.

Это праздник, торжество в хорошем смысле – компьютерная карусель. Имеем возможность разворачиваться любой стороной, раскрепоститься. Поработать, узнать людей и себя.

Я прибил к «Стихам.Ру», как к родимому двору.

Гумбертусу – о стихотворении «Диссиденту»: С глубокой благодарностью почитал стихотворение и отклики пишущих, читающих. Желание пить из такого родника неутолимо, оно надолго... К нему надо наклониться, а там сам увидишь – пить или омыть глаза. Это было до нас, при нас и будет после нас.

...Увидишь отражение, которое невозможно обойти, и не только свое.

Бери секиру, идя на Стихи. Ру.

Есть Интер-нет, а есть Интер-да.

Дорогие мои, далекие и близкие, не близкие далекие и недалекие близкие... Все кончено, как говорили старики, но не все еще потеряно. Все же, черт возьми, интересно. Каждый придет туда, куда стремится. Всем хватит места - и здесь, и тут.
Заходите в любом виде.

Через много-много лет мы попали в Интернет. Кончилось молчание - началось ворчание.

М.Н. спросили: «Как вы относитесь к национальному серверу современной поэзии «Стихи.Ру»?» - «Я приветствую всякие топы вокруг собственной жопы».

Что касается до дам - восемь голосов отдам.

«Ничего себе тихая скромная девушка», - вздрогнул дедушка.

Хищники становятся голоднее, а жертв все меньше... Потому что сегодняшние орлы уже питаются падалью либо сидят в клетках.

Когда ходить некуда, ходишь под себя.

Душа родимая! Как ты правильно заметил, серомозглость никогда не попадет в тупик по той причине, что она, живя, из этого тупика не выходит. Для этого необходим действенный и сомневающийся разум. Что поделать... Безличностных потерь нет личностных находок.

Чуть помедленнее, пони.

Кто и что и как ни блей – завтра интер-юбилей! J))

Мысли, которые еще не скисли.

Как я хорошею весь в дерьме по шею!

Спасибо, родимая наша Наташа...

Им бы деток, да уют... А они «звездят», поют. Веселятся нетели, чтобы их заметили.

Господи, как приятно! Откроешь стихотворение. И видишь – наш человек!

Пришел на концерт - не маши монтировкой. Не путай себя с дирижером.

Выходишь в сайт и думаешь: хорошо бы, блин, сейчас НАВЕСИТЬ кому-нибудь... А подумаешь - посмотришь в зеркало - и еще раз подумаешь.

Родилась проза для навоза. И прут стихи, как лопухи.

Наши Интернетовские «мочилки»...

Всем, всем, всем! Переключка - то, что нам осталось. Тяжкая усталость.

Номинирование заменено минированием. Повесили на первую страницу: «Не проходите мимо».

Не кушать позавчерашние щи завтра.

Одним словом: обгадившись с вечера, утром чистым не встанешь.

Когда не станет Интернета,
Мы начихаем на все это.
Другие выйдут ухари,
Чтоб их амбру разнюхали...

При выходе в Интернет для остроты вкуса обязательно надо насрать в суп... для утонченности вкуса - о Г.Ш.

Поэт К-в:
«И сразу забродит
Безумный и вечный коктейль».
Миша:
«Заколобродит калом брод -
Вот это будет бутерброд».

Поэтессе N:
Шизоидный накал.
Флакончик и духи.
Давно я не читал
Такой дурной трухи.

К поэтической дуэли на «Стихах.Ру»:
«Все слюнявите, пострелы,
В словесах плюгавя пасть.
Аль тупые ваши стрелы?
Аль не можете попасть?»

Истинных читателей так же мало, как истинно верующих.

ДИАЛОГИ

Андрей Широглазов:

- Господи, Михаил Николаевич, какая вокруг вас тут царят суета и томление духа... Вам это не надоедает?

- Не просто не надоедает, а ОЧЕНЬ не надоедает... Когда после семидесяти лет молчания - предсмертное кричание. Идешь в гроб, как на карусели. Все ж любопытно!

Анатолий Рабин:

- Спасибо, Михаил, Вы еще и певец гражданской поэзии во времена, когда она не в большом почете.

- Толя! Еще в КАКОМ НЕ БОЛЬШОМ!!! Почет, в котором ставят на учет... Да не на тот учет, на который хочется.

Оля Кузнецова:

«Когда на улице весна - давлюсь от сопель. Ведь где-то есть, ведь где-то здесь великий Сопин».

М.Н.: «Умри, но утри».

Стих о любви - на сайте:

«И сразу забродит, вскипая,
Безумный и вечный коктейль».

М.Н.:

«Заколобродит
Калом брод -
Вот это будет
Бутерброд!».

Железобетонная:

«Песочек и цемент,
Водичка и пруток.
Надежней примет
Не смог придумать Бог».

Миша:

- Тони, тони, бетонный челн,
Господь тут не при чем...
Пока не ахнул я
В компьютер кирпичом.

М.Н. –рецензия Черепахе: «Бокалов дымчатую
темень...» Прелесть какая!! М-м...!!! Так и хочется
закусить... Или занюхать :))))))

- Да ну, Николаич, больше и нет ничего. Мысль пошла кудый-то не туды.

М.Н.: Значит, оттудычим туды, куды надысь тудычили.

В. Остров(рецензия на «Молитвы»: Не место красит
человека, но и человек красит скамейки.

М.Н.: А потом на них садится, не дав просохнуть - имеются
в виду скамейки.

«AS»: А у нас всегда было модным хаять правителей. Себя как-то чувствуешь от этого благородней и правильной. И откуда они (правители) только берутся? Из-за границы, что ль, привозят?

М.Н.: Из нас с Вами, из нас, дорогой «AS».

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Дуня раскрыла хлебало. Дуня Сванидзе поймала. Напала на Дуню икота. В Сванидзе нашла Дон-Кихота...

О футболе: блистательный бразильский пас - но это не для нас.

Демоно-срация.

Куртизанская война.

Я себя над Лениным чищу.
Я сверху, а Ленин - внизу.
Захочу- сяду на лысину и поеду,
Но ни в коем случае не повезу.

О телеведущем: «Машет руками, как самолет «Максим Горький».

К выборам: «Закончился февраль двухтысячного года.
Враля сменяет враль. Дан старт политпохода.»

Дали Мише «Нобеля» с разворотом шнобеля.

Закрывать или не закрывать некоторые программы? Ни один человек не предложил закрыть тех, кто присваивает себе такое право – открыть или закрыть.

Я верю с Чеховым в одно:
Все наше светлое случится
Само собой. Давным-давно...

Сами в рае - самураи.

Колоброджу - калом брошу.

Ложь
С полупути или к концу,
Поплутав,

Вернется ко лжецу.

Президент наложил в «ето»... И в «то» - тоже.

«Не строчи кляuzu - сделай паузу». Твикс.

В мире животных: есть рыбы-бабочки, а есть бабы-рыбочки.

Поступила новая жевательная резинка... для трусов.

Забастовщикам:

«Давай-ка у закрытых шахт
С тобой побздим на будершафт.
Мы не служили королям -
Зачем служить нулям?»

Кто властвует теперь в Панаме? Зачем мне? Хватит личных бед. И на вопрос: «Кто правит нами?» - вопроса не было и нет.

Российские дороги - гололедица. Эстрада - голопопица.
Кинотеатры - гололюдица.

У меня глаза идеологической заразой не поражены. А то наденут на мальчика ватные штаны (памперсы), и все при себе. И нужника не надо: «Ах, как хорошо ватные штаны держат!»

О ДУРАКАХ

Родина без дураков - как новогодняя елка без украшений.

Бродил я по материкам,
И понял: «Боже мой!
Ты не помощник дуракам,
И мы - пример живой».

Что вы тут по ночам жужжите, мухам спать не даете?

Это последний гвоздь в наш менталитет, а глупость бессмертна и беспредельна.

Ты куда, человечество, мчишься, смеясь дурдомами?

Нам потому легко в мучении, что вечно тяжело в учении.

Прошел я мыслью по векам,
И понял, что к чему:
Бог не помощник дуракам,
И мы - пример тому.

Должна быть цель. Иди-от, иди -до. Если идти «от» - идеологии, заказа... Это и будет «идиот».

Квота для идиота.

В борьбе, в истмате, в блюде хмельном сотворены искусственные люди искусственной страны.

Когда я слышу - «нереально, не жизненно», то мне понятны эти эпитеты. Люди, живущие по стандартам, штампованно мыслящие - разве они могут знать реальность, жизненность, истину, кроме тех, которыми живут? Они говорят так, потому что им нечего и не с чем сравнивать кроме того, что у них есть. Делая подобные выводы, они ставят подпись под собственной глупостью.

И вот уже грядут они, идиотни златые дни.

Не чеши попу об алмаз.

Вышел месяц из-за туч
Посмотреть на мир вонюч.
Обнаружил дурака –
Шась, и вновь за облака.

Какая ты Снегурочка? Ты просто - в снегу дурочка.

Чем значительнее стараешься выглядеть, тем значительнее выглядит твой идиотизм.

Заиграли клоуны - дурью избалованы.

Победа - дураку награда. Для мыслящего - тяжкий крест.

Пора, давно пора, славяне, на белом свете жить без дряни.

Все шли к великой цели! И оказались вдруг у глупости в прицеле.

О МАРАЗМЕ

Братья по маразму.

Настоящий мужчина должен:

1. Сжечь дома.
2. Посадить сына.
3. Воспитать политбревно.

Сам для себя делает наживу и клюет, не зная, что сам себя нанизал. Бросает себя на сковородку и жует, выискивая врагов за тысячу километров...

От обещания - до духовного обнищания. Однополые браки, разруха в сраке и в мозгах.

Не обязательно сжигать дом, если в нем появились мухи.

Придет пора - и лица испытые канонизируют, пожалуй, «во святые».

Опасен нам не коммунизм,
 Не рынок и не враг,
 А беспросветный кретинизм
 И дум голодных мрак.

В чужой стране, в чужом краю игральный интеграл. Ни сам себя не узнаю, ни тех, в кого играл.

Ломать - не строить. Наверняка: без закуси, при перегрузках вчера - бранили коммуняк, сегодня «мочим» новых русских.

Нам по фигу любая власть. Нам надо то, что можно клясть за нашу собственную глупость.

Словно по приказу сволочей ангелы родят для палачей.

Мы все являемся распространителями дурно приобретенного, навязанного и природного идиотизма, потому распространяем в близких только то, что несем в себе.

Серомозглость никогда не попадет в тупик по той причине, что она, живя и действуя, никогда из этого тупика не выходит – это субкультура государства, любого. Из нее делают героев и преступников. Пересадить серятину в другое место – загубить ее. Вот почему государство наше во все времена ум считало преступлением.

В борьбе, в истмате, в блюде хмельном сотворены искусственные люди искусственной страны.

Идейная кучка рабья, лишенная всякого смысла, сама истребляет себя.

От игры идей и от вранья устрашает собственное «я».

В нищетизме идейного секса. Идейный запой.

Дом халтуры, кино, сочетаний, свиданий, разлук...

Хам без кнута -
Свинья без грязи.
Под журавлиный плач берез
К концу столетья
Столько мрази
Кровелюбивой
Развелось.

Родина – на словах – ждет мыслящих героев, а плодит медалеждущих лизозадистов.

Все друзья, все товарищи, братья... Может. все происходит, как надо, и на братской крови - клоунада.

В борьбе, в истмате, в блюде хмельном сотворены искусственные люди не созданной страны.

Живем-живем,
А жизни нету.
В злом милосердии своем
Идиотизма эстафету
В грядущий век
Передаем.

Пораженчество и гниль? Нет. Во мне этого нет. Догматы добропорядочности, без самосовершенствования кочующие из столетия в столетие - зло, имя которому - наша жизнь. Поэтому я, не ограничивая себя в жестах и словах, чинушами и мракобесием, говорю, что ни одной, ни

единственной секунды жизни, прожитой мной, не повторил бы
 - будь она проклята!
 Вот об этом и пишу в стихах, и благодатно получаю в рожу.
 Мы все коллективно обокрали, ограбили себя, изнасиловали,
 улыбаясь.

НЕМНОГО НЕНОРМАТИВНОЕ

При чтении любовных стихов:
 «Ты целуй меня, целуй -
 Избегай разлуки,
 И тащи меня за .....,
 Намыливая руки».

Засунь свой язык в задницу, и изгибаться не надо, такой он у
 тебя длинный и поганый.

Сначала оглядывайся, а потом порти воздух.

К поэтической дуэли «Авин-Широглазов» на сайте
 «Стихи.Ру»:
 Что за нудное бренчанье –
 Шире глазья, питерчане!
 Потешаете людей –
 Сопли ниже, б..., м...дей!»

Главное в Италии – конечно, гениталии, а вот для России –
 вариант насилий.

Живешь-живешь - не думаешь, а как подумаешь... И опять
 ни хрена не думаешь.

Себе:
 Посадили Мишке шишку.
 Превратили в хохму Мишку.
 Все равно ему на рожу
 С разворота калом брошу.

«Не уходи, не уходи...» (песня) - М.Н.: «На бuderшфaфт со
 мной побзди».

Засранцы!
 Всем вам даю совет:
 Прошу не какать в Интернет.

Интернет - не туалет.

«Ваша фраза из унитаза» - с сантехническим приветом, от республики мобилизованного. Как мобилизовали однажды... жаль, до сих пор не демобилизуют.

Себе - улыбаясь:

Я сдвинул попу - а под ней лапша... позавчерашняя. (К стихотворению: «Я сдвинул камень - а под ним душа»).

Как это ни смурно, но, видимо, общество - урна.

... Ни мозг не шевелит, ни жопа заболит.

О БЫТЕ

«Не бойтесь, если при пользовании грилем сначала пойдет дым» (Из инструкции по пользованию микроволновой печью).

М.Н.: «Что-нибудь в квартире уцелеет».

Не ходи часто в гости – береги собственные кости :))

Сидим во тьме, как в КПЗ,
И ждем, когда нам повезэ.
Воды нэма, тепла нэма,
Не служба быта, а тюрьма.

Воды в кранах стало меньше, но зато она гуще. (В Вологде очень грязное, с перебоями, водоснабжение).

Вкрапление на затопление.

Теснятся заготовки человека в проеме заготовки для жилья.

Врешь, всем не нальешь!

Жилплощадь: ублажали-увещали... Все поехали «с вещами»! Тьма закомплексованных у зданий нарисованных.

Если в кране нет воды - то «они» тут не при чем.

Пришел к другу – ешь как у врага.

Деньги – зло. Чем их меньше, тем становишься злее.

Всю жизнь мечтал сесть за руль. Мечта сбылась: именно за это его и посадили.

Человек живет брюхом, а страдает духом.

Из воспоминания, которое Миша любил пересказывать: заключенный просит выдать ему обувь. Резолюция начальника лагеря, полковника Савочки на заявлении: «Мерзавцу, мародеру, подлецу... отказать».

«Скажи мне, ветка Палестины, по месту мягкому скажи...»

БОЛЬНИЦА

Когда я был неизлечим,
 Когда я был неразличим,
 Водичка первого стола
 По бороде моей текла.

«Уголок здоровья» при полном отсутствии медикаментов.

Почти привык к больничным серым стенам, домашних стен теряя теплоту. Нет больше сил быть сдержанным, степенным. Я словно иней на ничьем плоту...

Нервные клетки не восстанавливаются. А тюремные?

Хлороформно, холодно в Отчизне. Машет май метельным помелом. Остывает любопытство к жизни от бессмысленных надежд в былом.

В очереди к зубному врачу. Женщина:

- Вы не знаете – сегодня, кажется, неблагоприятный день?

М.Н.:

- А меня все дни, с тех пор, как 72 года назад родился, неблагоприятные.

Помощь приму и немощь не отвергну...

Молчи, российский инвалид. Все в этой жизни отболит.

О СМЕРТИ

Умирать можно, когда со всех сторон обсмотришь глупость, а она, к сожалению или к счастью, безгранична.

Убиенным, гонимым открывают вам счет мои строки...

Перед жестким законом

Руками уж больше не машем,
Лишь
Меч
Времени
Головы белые наши сечет.

Слышите, там, за нами – мы были!

Улыбнись. Не реви. Не до слез.
Деспотии апрельский мороз?
Мы не будем спешить, чтоб успеть...
Улыбнись.
Жизнь длиннее, чем смерть.

Ну и что, пусть дело идет к концу, но лучше улыбнуться
печали... Сколько ее было на моих ранних дорогах, да и на
теперешних...

Все конечно, как говорила моя бабушка, но не все потеряно.

Не на всех я еще
Разослал в белый свет похоронки.
Не за всех я еще
Отгорел в этой жизни бродяг.

Делами учите свою смерть улыбаться жизни.

Землю для себя не арендую. Стар я... Но не в старости
беда. Клонят мою голову седую много лет твои, страна, года.

Бывает, что человек сам создает прецедент для смерти от
внутреннего разлада с самим собой. И это необязательно
самоубийство. Можно жить не в том направлении, где тебя
ищет смерть, и тогда... не все потеряно.

Уходят живые,
Уходят ребята,
Отряд за отрядом.
А жизнь остается,
Как степь без колодца,
С безжизнием рядом.

Душа продубела - вот ей и не до смерти.

Человек живет до тех пор, пока есть страх перед смертью
или хотя бы жалкое утешение жизнью.

Вороний гай. Воронья стая. Великих слов могучий жмых -
усопшим памятники ставя, лишают воздуха живых.

Погибшим не стыдно, не больно... Скажите, что все мы из
жизни ушли добровольно.

... Чтоб я ушел без едкой власти дыма, так горько
разделяющего нас.

С момента появления человека в мир – в этом нет ни
трагедии, ни юмора – смерть постоянно присутствует
многолико. Она всегда тут, игнорирует любые человеческие
ошибки. Она – часть жизни и даже чуть-чуть больше, потому
что человек уходит, а она остается (в том числе в виде
памятников, надгробий). Держит тебя на руках, кормит
грудью...

Если бы человек смолodu, как только сделал для себя
определения Воздух, Пища, Мама, помнил о смерти, он
многого бы не делал праздного и вредоносного.
Можно ли акклиматизироваться около смерти, постоянно
себе повторяя: «Я не боюсь ее...»? Боюсь или нет, она
намного реальнее и конкретнее, чем наши понимания и
представления о ней.

Душа жива тростником, тополем, а печальна потому, что со
всем этим придется расстаться.

Тишина может быть всякой. Тишина поэзии...
кладбищенская...

Жизни отдай все, а смерти поможет мгновение.

Сейчас даже смерти печать меня не заставит молчать.

Но когда-то, я знаю,
Однажды такое случится:
Предпоследнюю песню
Закат над полынью прольет.
Упаду от скитаний на землю,
Как старая птица,
От растраченных сил
Не сумею завершить перелет.

Есть секунда, мгновение свернуть от могилы в сторону –
сверни. Этим мы остаемся на земле.

Смерть страшна, но жизнь непобедима. Будем жить, чтоб правду говорить.

Появился на свет - учись дружить со своей смертью, очеловечивай ее.

Очень тяжело в мире не лукавить, жить и умирать в себе самом.

Ни выть, ни воевать нет сил.

Я живу потому, что бывшее стоит предо мной.

«Кто усопший, люди?» - «Полно, не греши. На щербатом блюде медные гроши».

Слова на веру не берут... И у могилы лгут.

Жаль, гаснет жизнь. Короче путь. И воздухом свободы не вздохнуть.

Помаши рукой уходящим.

К исходу жизнь. Хлеб черный есть на ужин. Я никому и мне никто не нужен – ни Бог, ни Царь, ни раб, ни господин. Я в этот мир, прекрасный и позорный, распяленный свободой поднадзорной, один пришел и отойду один.

С о д е р ж а н и е

Красный блокнот	3
О прошлом и будущем	4
О жизни и разуме	7
Понимание	9
О любви	11
О поэзии	14
Об одинокости	18
Об истине	20
О Боге	20
Лирическое	23
Мистическое	25
О человеке	26
О России	28
Об эмиграции	31
О свободе	32
О себе	33
О толпе	40
Об обидах	43
О политике	45
К войне в Чечне	48
Об Интернете и «Стихах. Ру»	49
Диалоги	51
Смотрим телевидение	53
О дураках	54
О маразме	56
Немного ненормативное	58
О быте	59
Больница	60
О смерти	60